

Винокурова Надежда Ивановна

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена определительным причастным конструкциям в трех тюркских языках - якутском, алтайском и хакасском. Рассматриваются различные видовременные формы причастий, что позволяет выявить соответствия между причастными аффиксами. Также установлено, что синтаксическая связь между определением, выраженным отдельным или развернутым причастием, и определяемым существительным осуществляется двумя способами, общими для всех тюркских языков - с помощью примыкания и согласования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/12/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (114). С. 28-31. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 811.512.157

Филологические науки

Статья посвящена определительным причастным конструкциям в трех тюркских языках – якутском, алтайском и хакасском. Рассматриваются различные видовременные формы причастий, что позволяет выявить соответствия между причастными аффиксами. Также установлено, что синтаксическая связь между определением, выраженным отдельным или развернутым причастием, и определяемым существительным осуществляется двумя способами, общими для всех тюркских языков – с помощью примыкания и согласования.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; алтайский язык; хакасский язык; причастие; определительные причастные конструкции; примыкание; согласование; причастный изафет.

Винокурова Надежда Ивановна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

nadyavinokurova@mail.ru

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-14-14004 а (р).

Определительные причастные конструкции представляют собой атрибутивно-определятельные словосочетания, в которых определяемое, выраженное именной субстантивной формой, сочетается с определением, выраженным либо одним причастием, либо развернутым причастным оборотом. Основу таких конструкций составляют причастные формы, которые будут рассмотрены по отдельности в трех тюркских языках – якутском, алтайском и хакасском.

1. Причастия в якутском языке подразделяются на первичные и вторичные. Первичные включают причастия на *-ар/-ыыр*, *-быт*, *-ых* и *-тах*, вторичные – причастия на *-ардаах*, *-ыхаах*, *-быттаах*, *-ааччы* и *-а/-ыы илик* [2, с. 227-240]. Все формы, за исключением *-тах* и *-быттаах*, могут употребляться в качестве определения. Наиболее полное освещение причастия получили в работе Е. И. Убрятовой как часть системы глагольных форм [6]. Употребление причастий в позиции атрибута рассматривается в работе Г. Г. Торотова с точки зрения их функционально-стилистической дифференциации в языке в отношении других типов определений [5]. Семантика причастия в определительной функции подробно изложена в работе Г. Г. Филиппова, который выделил ряд значений для причастий на *-ар*, *-бат*, *-быт*, *-батах*, *-ых* в атрибутивной позиции [8, с. 23-24]. Так, причастие на *-ар/-ыыр* имеет такие значения: 1) постоянный признак, обычное свойство предмета, которое воспринимается и как длительное, обычно-совершаемое настоящее-прошедшее время; 2) признак, выраженный в основе глагола безотносительно к значению настоящего времени; 3) значение абсолютного, постоянного, длительного времени превращается в свойство данного предмета; например, *улэлиир киһи* ‘работающий человек’, *иһэр уу* ‘питьевая вода’, *миинэр ат* ‘верховая лошадь’, кыстыыр дьэ ‘зимнее жилище (досл. зимующий дом)’, *тэнгэ хомойсор*, *тэнгэ үөрсэр дьоннор* ‘люди, которые вместе и огорчаются, и радуются’. Форма на *-бат* (отрицательная форма причастия на *-ар/-ыыр*) обозначает: 1) возможное свойство определяемого, которое воспринимается как условие, в результате которого осуществляется действие, выраженное в причастном определении; 2) конкретное категорическое отрицание действия определяемого предмета; 3) постоянное свойство, качество определяемого предмета и явления; например, *улахамсыбат киһи* ‘не зазнающийся человек’, *сылайары билбэт спортсмен* ‘спортсмен, не знающий устали’, *сирбэт-талбат уол* ‘неприхотливый мальчик (досл. не отвергающий – не выбирающий мальчик)’. Причастие на *-ых* сопряжено со следующими значениями: 1) признак определяемого как возможное, необходимое в будущем действие; 2) признак определяемого предмета или лица как его желаемое действие, подразумевающееся как цель; 3) признак определяемого предмета или явления как обязательное, предрешенное, договоренное или необходимое свойство; например, *кыайых киһи (хоттордо)* ‘человек, от которого ждали победы, проиграл’. Форма на *-быт* используется для передачи следующих двух значений: 1) законченное, завершённое действие – семантика результативности; 2) время, завершённое до момента речи, безотносительно к давности или недавности совершенного действия; например, *сөбүөрүбүт кулуһун* ‘увядший камыш’, *самналлыбыт эргэ дьиэлэр* ‘ставшие приземистыми старые дома’, *улахан ханхайбыт ампаар* ‘большой наклонившийся амбар’. Причастие на *-батах* (отрицательная форма от *-быт*) ассоциируется с двумя значениями: 1) несовершившееся в прошлом действие определяемого безотносительно к давности или недавности; 2) признак определяемого предмета по результату несовершившегося действия, выраженного причастием на *-батах*; например, *кырдьыбатах сирэй* ‘непостаревшее лицо’, *ууммэтэх от* ‘невyrоcшая трава’, *барбатах чэй* ‘некрепкий чай (досл. не заварившийся чай)’.

Что касается вторичных причастий, формы на *-ардаах* и *-ыхтаах*, образованные от первичных причастий на *-ар* и *-ых* путем присоединения аффикса обладания *-лаах*, выражают долженствование, ожидание, необходимость совершения действия: *оноһулуохтаах үлэ* 'работа, которую необходимо выполнить', *сурулуохтаах кинигэ* 'книга, написание которой ожидается', *командировкаба барардаах үлэһит* 'работник, которому предстоит отправиться в командировку'. Сложная причастная форма на *-а/-ыы илик* образуется путем сочетания деепричастия на *-а/-ыы* со служебным словом *илик* и выражает еще несуществующее действие: *бутэ илик үлэ* 'еще не оконченная работа', *аһылла илик киин* 'еще не открывшийся центр'.

2. В алтайском языке причастие настоящего-прошедшего времени образуется при помощи *-ган/-ген*, *-кан/-кен* и их фонетических вариантов и «передает признак или процесс, который совершался или совершается в настоящее время, начал совершаться в прошлом и продолжается в настоящем, иногда передает процесс или признак, присущий вообще данному предмету» [4, с. 145]. Так, например, определительное предложение *дьуртаган дьер* может означать 'земля, на которой жили' или 'земля, на которой живут', *минген ат* 'конь, на котором ездили или ездят', *атты минген кижси* 'ехавший/едущий на коне человек', *чай ичкен аяк* 'чашка, из которой кто-нибудь пил или теперь пьет чай' [Там же, с. 142], *кожоньдогон кыс* 'певшая девица; девица, которая пела, поет', *кожоньдогон кожонь* 'петая песня; песня, которую пели, поют' [Там же, с. 144], *кийген кебим* 'носимая мною одежда; одежда, которую я носил, ношу' [Там же, с. 145].

Причастие настоящего-будущего времени образуется от глагольной основы с помощью суффиксов *-ар/-ер*, *-р* (в отрицательной форме *-нас/-нес*, *-бас/-бес*) и их фонетических вариантов. Данная причастная форма «выражает действие (или состояние), которое может совершиться или которому надлежит совершиться, которое совершается вообще, как функция, присущая определенному предмету, выражает признак, присущий вообще предмету»; например, *тудунар кабынар неме* 'вещь, употребляемая в хозяйстве, утварь', *учар куш* 'птицы вообще; пернатые птицы, которым присуще летать; летающие птицы; птицы, которые будут летать, которые летают', *келер айылчы* 'гость, который приедет / приезжает / должен приехать', *аньдаар аньчы* 'охотник, который охотится / будет охотиться / должен охотиться', *турна конор дьалань* 'степь, где ночуют журавли', *кийер кебинь* 'одежда, которую ты носишь / будешь носить / сможешь носить; твоя одежда вообще' [Там же, с. 147-148].

Еще одна причастная форма, которая также относится к настоящему-будущему времени, «передает процесс (и действие), обычно совершающийся, часто повторяемый, которому свойственны постоянство и непрерывность, процесс, происходящий в настоящем или прошлом и длящийся продолжительное время», а также «выражает действие (или состояние), которое должно совершиться или наступить в будущем» [Там же, с. 150]. Данная форма образуется путем присоединения сложного аффикса *-а-тан* (суффикс деепричастия на *-а/-е* плюс суффикс *-тан*) и его фонетических вариантов: *юренерге баратан балдар* 'ребята, которые должны ехать учиться', *уй саайтан эмеген* 'старуха, которая должна доить коров', *ол чөрчөкти билетен ашыыак* 'старик, знающий эту сказку', *малды дьаланьга чыгаратан ой (дьетти)* 'время гнать скот в степь (досл. скот в степь гонящее время) (пришло)', *темир казатан шахта* 'шахта, где добывают железо', *иште-бейтен күн* 'нерабочий день' [Там же, с. 149-150].

Причастие на *-гыдый/-гадый* выражает возможность, вероятность совершения действия, имеет значение возможного будущего: *барбагадый улус (барды)* 'люди, которые могли бы не поехать (поехали)', *баргадый кижси (барбады)* 'человек, который мог бы поехать (не поехал)' [Там же, с. 151-152].

Причастие несовершенного вида на *-калак/-галак* выражает еще не совершившееся, но ожидаемое действие или состояние: *чыккалак күн* 'еще не взошедшее солнце', *баргалак кижси* 'еще не уехавший человек', *кайылгалак кар* 'еще не растаявший снег' [Там же, с. 153].

3. Причастия в хакасском языке разделяются два типа в зависимости от синтаксической функции: 1) причастия, которые могут употребляться в роли определения и сказуемого; 2) причастия, которые могут употребляться только в роли сказуемого [1, с. 428-429]. Нас интересует первый тип причастий, к которым относятся причастия изъявительного наклонения, включающие в себя причастия будущего и настоящего-будущего времени и причастия прошедшего времени.

Причастие будущего времени образуется с помощью суффиксов *-р/-ар/-ер*, в отрицательной форме *-нас/-нес*, *-бас/-бес*, *-мас/-мес*, и «выражает действие или состояние, которое присуще предмету вообще или наступит в ближайшее время» [Там же, с. 429]: *парар кизи* 'человек, который пойдет' [Там же], *парбас кизи* 'человек, который не пойдет', *узир палалар* 'дети, которые будут спать', *узубас палалар* 'дети, которые не будут спать' [9].

Причастие настоящего-будущего времени, которое образуется с помощью суффиксов *-чаң/-чең*, *-чаң/-чең*, выражает «обычное, многократно повторяющееся действие и состояние предмета или действие, которое должно наступить в будущем» [1, с. 430], указывает на постоянный признак предмета или лица: *исчең суз* 'вода, которую обычно пьют (питьевая вода)' [Там же], *тынанчаң тура* 'дом для отдыха', *инек итчең завод* 'завод, делающий хлеб (хлебозавод)' [9]. Отрицательная форма образуется путем прибавления аффиксов отрицания *-ба/-бе*, *-ма/-ме*, *-па/-пе*: *садылчаң* 'продающийся' – *садылбачаң* 'не продающийся', *пилчең* 'знающий' – *пилбечең* 'не знающий', *ойначаң* 'играющий' – *ойнабачаң* 'не играющий' [Там же].

Причастие настоящего времени, формальным признаком которого является суффикс *-чатхан/-четкен*, употребляется для выражения действия или состояния, не законченного, происходящего в данный момент: *бсчеткен агас* 'растущее дерево', *аңнапчатхан кизи* 'человек, который охотится', *хыстапчатхан хустар* 'зимующие птицы' [1, с. 430], *кизи чуртабинчатхан чурт* 'дом, в котором не живут', *хубулбинчатхан сөстөр* 'неизменяемые слова' [9]. В хакасском языке также имеется причастие на *-иган/-иген*, обладающее таким же значением, как

причастие на *-чатхан/-четкен*, но менее продуктивное, поскольку образуется только от глаголов движения: *учыл париган от* ‘угасающий костер’, *табрах килиген аттар* ‘быстро приближающиеся лошади’ [1, с. 430].

Причастие не совершенного, но ожидаемого действия оформляется при помощи суффикса *-халах/-келек*, *-галах/-гелек*, *-аалах/-еелек* [1, с. 430; 9]: *аның үзілгелек хысхызы* ‘его прерывающийся крик’ [1, с. 430], *сомгалах хыс* ‘еще не купавшаяся девушка’, *хайылгалах хар* ‘еще не растаявший снег’, *тоңгалах суғ* ‘еще не замерзшая река’ [9]. Поскольку эта форма выражает еще не совершенное действие, она не образует отдельную отрицательную форму.

Причастие возможного будущего времени с суффиксами *-хадыг/-кедиг*, *-гадыг/-гедиг*, в отрицательной форме *-паадыг/-неедиг*, выражает вероятность совершения действия: *паргадыг кизи (парбады)* ‘человек, который мог бы поехать (не поехал)’, *килбеедиг кизи (килди)* ‘человек, который мог бы не приходить (пришел)’ [1, с. 431].

Причастие прошедшего времени выражает действие или состояние, относящееся к прошлому, и имеет суффиксы *-ган/-ген*, *-хан/-кен*, *-ан/-ен*, в отрицательной форме – *-паан/-неен*, *-баан/-беен*, *-маан/-меен*: *агас, от ѓскен тағ* ‘гора, поросшая деревьями и травой’ [Там же], *килген кизи* ‘пришедший человек’, *учуххан хус* ‘летевшая птица’, *хайнабаан суғ* ‘некипевшая вода’ [9].

О важности сравнительного изучения причастий в тюркских языках свидетельствует следующее замечание, сделанное Н. Н. Ширококовой в предисловии к переизданию монографии Е. И. Убрятовой: «Отношение якутского языка к другим тюркским языкам Е. И. Убрятова рассматривала, анализируя формы и функции причастий и деепричастий. Именно эти формы она считает наиболее надежным показателем генетической связи языков» [7, с. 6]. В рассмотренных трех языках можно проследить следующие параллели в составе причастных форм. Во-первых, это причастные формы на *-ар/-ыыр/-бат* в якутском, *-р/-ар/-бас* в алтайском, *-р/-ар/-бас* в хакасском: якут. *барар киһи* – алт. *барар кижги* – хак. *парар кизи* ‘человек, который пойдет’; якут. *барбат киһи* – алт. *барбас кижги* – хак. *парбас кизи* ‘человек, который не пойдет’. Во-вторых, якутское причастие будущего времени на *-ыха* соответствует в своем употреблении хакасскому причастию возможного будущего времени на *-хадыг/-кедиг*, *-гадыг/-гедиг* и алтайскому причастию возможного будущего на *-гыдый/-гадый*. Возможно также этимологическое родство между этими суффиксами [Там же, с. 322, 336 (табл. 1)]. Ср.: якут. *барыха киһи (барбата)* ‘человек, который мог бы поехать (не поехал)’, *барымыах (или барыа суох) киһи барда* ‘человек, который мог бы не приходить (пришел)’, хак. *паргадыг кизи (парбады)* ‘человек, который мог бы поехать (не поехал)’, *килбеедиг кизи (килди)* ‘человек, который мог бы не приходить (пришел)’, алт. *баргадый кижги (барбады)* ‘человек, который мог бы поехать (не поехал)’, *барбагадый кижги барды* ‘человек, который мог бы не приходить (пришел)’. Третье соответствие причастных форм наблюдается в причастиях несовершенного вида на *-а илик* в якутском, *-калак/-галак* в алтайском и *-халах/-келек* в хакасском языках: якут. *бара илик киһи*, хак. *паргалах кизи*, алт. *баргалак кижги* ‘еще не уехавший человек’.

Синтаксическая связь между причастным определением и определяемым существительным осуществляется способом примыкания и согласования посредством аффиксов принадлежности. При примыкании действие, выраженное причастным определением, либо принадлежит определяемому существительному, либо не принадлежит, но указание на лицо, производящее действие, не имеет значения [3, с. 53]: якут. *оскуолаба үөрэнэр оҕо* ‘ребенок, учащийся в школе’, *ууллубут хаар* ‘растаявший снег’; хак. *ѓсчеткен бала* ‘растущий ребенок’, *теергедиг чистек* ‘ягода, которую можно собирать’; алт. *малын дьылыттан малчы* ‘пастух, потерявший свой табун’, *таиталган агаиш* ‘брошенная палка’. Во втором случае, когда связь между определяемым и определением осуществляется при помощи согласования, определение имеет самостоятельное подлежащее, которое не принадлежит определяемому; аффикс принадлежности, выражающий лицо подлежащего, появляется на определяемом. В якутском языкознании установилась традиция называть данный способ связи причастным изафетом [7, с. 49]. Например: якут. *мин суруйбут киһим* ‘человек, которому я написал’; алт. *бистинь тудунатан аяк-казаныбыс* ‘употребляемая нами утварь’; хак. *анынь үзілгелек хысхызы* ‘его прерывающийся крик’.

Таким образом, на основе рассмотренных причастных конструкций в якутском, алтайском и хакасском языках можно сделать вывод, что данные языки сохраняют определенные признаки формального сходства в составе причастий и придерживаются одинаковых способов связи между определением, выраженным причастием (причастным оборотом), и определяемой субстантивной группой.

Список литературы

1. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасский язык. Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй. М., 1953. 488 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. М.: Наука, 1982. Т. 1. Фонетика и морфология. 496 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2-х т. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Синтаксис. 336 с.
4. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М. – Л., 1940. 303 с.
5. Торотоев Г. Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке. Якутск: Изд-во СВФУ, 2011. 148 с.
6. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка: в 2-х ч. Новосибирск: Наука, 1976. Ч. 2. Сложное предложение. 378 с.
7. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 603 с.
8. Филиппов Г. Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: автореф. дисс. ... д. филол. н. Якутск, 1999. 52 с.
9. Хакасский словарь онлайн. Грамматика. Глагол [Электронный ресурс]. URL: <http://sostik.info/gram-6/> (дата обращения: 20.11.2016).

ATTRIBUTIVE PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS IN THE YAKUT LANGUAGE AND THEIR EQUIVALENTS IN THE TURKIC LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA

Vinokurova Nadezhda Ivanovna, Ph. D. in Philology
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
nadyavinokurova@mail.ru*

The article is devoted to attributive participial constructions in three Turkic languages – the Yakut, the Altai and the Khakass ones. The author examines various aspect-tense forms of participles, which allows identifying correspondences between participial affixes. It is also stated that syntactic relation between the attribute expressed by a separate or expanded participle and the defined noun is carried out in two ways common to all the Turkic languages – with the help of adjunction and agreement.

Key words and phrases: the Yakut language; the Altai language; the Khakass language; participle; attributive participial constructions; adjunction; agreement; participial izafat.

УДК 621.31

Технические науки

В статье рассматриваются различные методы повышения эффективности солнечных панелей: с помощью применения новых материалов, установки концентраторов солнечного излучения, а также технологии слежения за Солнцем. Раскрываются причины, по которым солнечная энергетика пока не может конкурировать с основными способами получения электроэнергии. Каждому методу дается обоснование, приводится анализ достоинств и недостатков. На его основе сделан общий вывод и выбраны самые эффективные технологии, известные в наши дни.

Ключевые слова и фразы: солнечные панели; повышение эффективности; солнечная энергия; концентратор излучения; система слежения за Солнцем; гелиоэнергетика; фотоэлемент.

Галимуллина Элина Эмилевна

Абзалилова Юлия Рамилевна

*Уфимский государственный авиационный технический университет
elinagalimullina@yandex.ru; abzalilova00@mail.ru*

СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЛНЕЧНЫХ БАТАРЕЙ

Использование солнечной энергии находит все большее распространение в современном мире из-за своей общедоступности и неисчерпаемости энергии Солнца, а также благодаря ее экологичности. Но также имеется ряд причин, по которым гелиоэнергетика пока не может превзойти традиционные способы получения электрической энергии. Такими препятствиями являются высокая стоимость и низкий КПД солнечных панелей. Имеются и другие, не менее важные причины, например, зависимость от географического расположения солнечных станций, невозможность получения энергии в ночное время, а также в зимний период, при туманной и пасмурной погоде. Присутствует необходимость устанавливать дополнительное оборудование и выделять большие площади для размещения солнечных панелей.

В наше время идет активный поиск новых способов и устройств, а также путей повышения продуктивности существующих технологий, позволяющих максимально эффективно преобразовать энергию Солнца в электричество. Ведется работа по усовершенствованию используемых и получению новых материалов, ведь зачастую высокая стоимость солнечных батарей определяется высокой ценой на фотоэлементы.

Основными известными способами повышения эффективности солнечных панелей являются:

- разработка прогрессивных технологий изготовления фотоэлементов, направленных на уменьшение их стоимости и увеличение КПД;
- использование концентраторов солнечного излучения;
- применение систем слежения за Солнцем [1].

Одним из важных вопросов применения солнечных панелей является выбор материала фотоэлемента, ведь от него в большой степени зависит КПД системы. Наиболее распространёнными являются модули, изготовленные по двум основным технологиям: из монокристаллического кремния и поликристаллического кремния.

Монокристаллический кремний представляет собой «чистый» кремний, с очень малым количеством примесей. Он имеет структуру, напоминающую соты. В солнечных панелях используются пластины толщиной до 300 мкм [2].

Поликристаллический кремний имеет более низкое качество по сравнению с монокристаллическим. Кристаллы в нем направлены в разные стороны, а зерна не параллельны. Поэтому неоднородная структура препятствует эффективному преобразованию солнечной энергии.